

“Новая литература не возникает как пистолетный выстрел в ночи”. Об институциональных границах первых советских массовых писательских объединений

Дарья Московская — Вагиф Гусейнов

◇ eSamizdat 2024 (XVII), pp. 29-44 ◇

ВВЕДЕНИЕ

“У ПРОЛЕТАРИАТА нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации” писал Ленин в работе *Шаг вперед два шага назад*¹. “Устав есть формальное выражение организованности² [...] Устав определяет границы автономии”³.

Ленинская книга была высоко оценена Сталиным в *Кратком курсе ВКП (б)* 1938 г.: “она отстояла партийность против кружковщины [...] и заложила организационные основы большевистской партии”⁴. Ее принципы в интерпретации Сталина: 1) большевистская партия есть марксистский отряд, вооруженный знанием законов развития общественной жизни, поэтому лишь партия способна руководить борьбой рабочего класса; 2) партия есть организованный отряд, имеющий свою дисциплину, и боящиеся дисциплины “индивидуалистически настроенные интеллигенты останутся вне партии. Но это-то и хорошо, ибо партия избавится от наплыва неустойчивых элементов”; 3) партия есть “высшая форма организации” и потому “обязана руководить всеми остальными организациями рабочего класса”; 4) партия не может жить и развиваться без связей с беспартийными массами, “партия, замкнувшаяся в себе, обособившаяся от масс [...] должна неминуемо погибнуть”; 5) партия должна быть организована “на началах централизма [...] с единым руководящим

органом во главе, [...] с подчинением меньшинства большинству [...] низших организаций высшим”; 6) “партия [...] должна проводить единую пролетарскую дисциплину, одинаково обязательную для всех членов партии”⁵.

Ленин писал свою работу в 1904 г. по итогам первого года существования РСДРП, когда большевикам еще только предстояло выступить “в качестве руководителя многомиллионных трудящихся масс [...] в борьбе против царизма и буржуазии”⁶. На другой день после Октября перед ними стала задача руководства государственным строительством под диктатурой пролетариата, опирающегося “на беднейшее крестьянство, или полупролетариат”⁷. Диктатура осуществлялась через партийное “решающее влияние и полное руководство во всех организациях трудящихся: в профессиональных союзах, кооперативах, сельских коммунах и т. д.”⁸. Механизмом партийного влияния были партийные фракции, строжайше подчиняющиеся партийной дисциплине”, через них РКП должна была завоевать “безраздельное политическое господство в Советах и фактический контроль над всей их работой”⁹.

Организационные принципы партии в предреволюционные годы борьбы с меньшевиками и те, что оформлялись после победы Октября в ходе государственного строительства, определяли становление всего советского общества, сказывались в организационной структуре профсоюзов, комсо-

¹ В. Ленин, *Полное собрание сочинений*, т. 8, Москва 1967, с. 403.

² *Ivi*, с. 352.

³ *Ibidem*.

⁴ *Краткий курс истории ВКП(б)*, http://lib.ru/DIALEKTIKA/kg_vkpb.txt (последнее посещение: 14.07.2024).

⁵ *Ibidem*.

⁶ Е. Ярославский, *История ВКП (б)*, т. 1, Москва 1935, с. 3.

⁷ *История ВКП (б)*, т. 2, с. 3.

⁸ *Восьмой съезд РКП (б)*, Москва 1933, с. 425.

⁹ *Ibidem*.

мола, в идейно-организационной и эстетической автономии новых советских творческих союзов.

ПРОЛЕТКУЛЬТ КАК ПРОЛЕТАРСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ АВТОНОМИЯ

Пролетарская революция обновила культурное поле бывшей царской империи массовым запросом на культуру со стороны тех общественных слоев, которые прежде не имели доступа к этим элитарным социальным благам. Организаторы Первой Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций, созванной в Москве в сентябре 1918 г., превратили запрос на культуру в литературные практики. Осознав мощь нерастроченной энергии классовой конфронтации, таящейся в неравенстве и, возможно, даже в отсутствии общности культур выходцев из рабоче-крестьянской среды и тех, кто из рода в род проходил институты высшего образования, Пролеткульт использовал этот потенциал для создания режима наибольшего благоприятствования рабочему писателю. Устав Всероссийского совета пролетарских культурно-просветительных организаций (пролеткульта) был средством достижения этой цели.

Он был принят в год утверждения первой советской Конституции, 16-я статья которой требовала “материального и иного” содействия рабочим и крестьянам в организации обществ и союзов. Однако к разработке в соответствии с положениями Конституции конкретных законоположений об обществах и союзах Наркомат внутренних дел приступил лишь после окончания Гражданской войны, в начале 1922 г. До этого момента, как пишет Т. Коржихина, “отсутствие общего законодательного акта о регистрации приводило к тому, что многие общества продолжали деятельность вообще без всякого оформления и регистрации”¹⁰. Необходимость легализации, а с ней и институционализации¹¹ своей деятельности, возникала тогда, когда

союзу понадобилась материальная поддержка государства или право на аренду помещения и проч.

“Пролеткульт стал, вероятно, самой плюралистической организацией, поскольку он был весьма слабо организован”¹², — пишет Л. Малли. В то же время идейные основания пролетарской культуры, сформулированные на Первой Всероссийской конференции пролеткульта, представляют пролеткультуру как “новую самостоятельную форму борьбы пролетариата с буржуазией”¹³, а Совет пролеткультов — как боевой союз рабочих писателей: в переходный период к социализму борьба за пролетарскую культуру означала последовательное проведение классовой точки зрения во все сферы советского государства, в том числе в политику и экономику. С этой задачей, как констатировала Конференция пролеткультов, не справлялись профильные комиссариаты, обслуживающие “все население, все слои государства”¹⁴, и Пролеткульт взял на себя ее решение, превратив классово-идеологическую задачу в боевую.

Как же “организационный плюрализм” Пролеткульта сочетался с его боевыми установками и каким образом Устав Пролеткульта обеспечивал рабоче-крестьянской массе преимущества в конкурентной борьбе с образованной творческой прослойкой советского общества — интеллигенцией?

Устав Всероссийского совета пролеткультов¹⁵ утверждал Совет как “организационное завершение новой формы рабочего движения”¹⁶. Решениям Совета должны были подчиняться все существующие пролетарские культурно-просветительные организации и вновь созданные уездные и губернские пролеткульты, для координации работы которых Совет готовил кадры инструкторов-организаторов. Устав определял институциональную базу Пролеткульта, обеспе-

Вебер. *О некоторых категориях понимающей социологии*, в *Idem, Избранные произведения*, Москва 1990, с. 517.

¹² Л. Малли, *Культурное наследие Пролеткульта: один из путей к соцреализму?*, в *Соцреалистический канон*, под ред. Х. Гюнтера — Е. Добренко, Санкт-Петербург 2000, с. 183.

¹³ *Протоколы Первой Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций*, 15-20 сентября, Москва 1918, с. 6.

¹⁴ *Ivi*, с. 28.

¹⁵ *Ivi*, с. 53-55.

¹⁶ *Ivi*, с. 53.

¹⁰ Т. Коржихина, *Законодательные источники по истории общественных организаций СССР. (1917-1936 гг.)*, “Вспомогательные исторические дисциплины”, т. 18, Ленинград 1987, с. 224.

¹¹ Здесь под институционализацией вслед за М. Вебером понимаются “установления, регулирующие действия индивидов” в союзе. М.

чивающую возможность внедрения в практику решений Совета и Конференции. С этой целью во Всероссийский Совет, кроме 16 членов и 8 кандидатов, избираемых конференцией, включались по одному представителю от всех губернских пролеткультов, от ВЦИК и ЦК РКП (б), Наркомпроса и Всероссийского Совета профсоюзов, от Центральных профессиональных союзов (напр., металлистов, текстильщиков, железнодорожников и т.д.) и Совета рабочей кооперации, ВРКСМ и Красной Армии и флота. Таким образом, с помощью Устава Пролеткульт был усилен партийными и государственными кадрами. На Всероссийской конференции выбирался заведующий Отделом пролетарской культуры в Наркомпросе, и Отдел пролетарской культуры Наркомпроса во главе с этим выбранным заведующим должен был вести свою работу в прямом контакте с ЦК Пролеткульта и держать отчет перед Советом¹⁷. Это переворачивало иерархию институтов власти, подчиняя отдел комиссариата массовой рабочей организации.

Базой Пролеткульта были рабочие профсоюзы. Исключительное значение этого положения Устава для дальнейших судеб организации обнаруживается в параграфе, определяющем средства Всероссийского Совета. Они составлялись из подотчетных субсидий Наркомпроса и доходов различных пролеткультовских предприятий и учреждений. Примечание к этому параграфу Устава разъясняет, что “пролетарские культурно-просветительные организации, пользующиеся денежной помощью государственных учреждений в период организации и развития своей деятельности, должны стремиться существовать за свой счет”¹⁸. Для этого Пролеткульт должен, согласно Уставу, разработать “план самообложения пролетариата на цели строительства пролетарской культуры” и “добиваться, чтобы рабочие организации на местах выделяли из своих доходов местному

Пролеткульту по взаимному соглашению определенный процент”¹⁹.

Требование финансовой независимости пролеткультов (“существовать за свой счет”) было не только следствием тяжелых экономических условий Гражданской войны, когда оформлялся Устав, оно отражало идеологическую программу Пролеткульта с ее заявкой на обслуживание культурных запросов исключительно рабочего класса. Кроме того, благодаря материальной поддержке со стороны местных рабочих профсоюзов и необходимости удовлетворять их культурные запросы пролеткультам была обеспечена независимость в их культурных практиках от местных партийно-государственных и цензурных органов. Пример такой автономии демонстрирует история Саратовского пролеткульта, обладавшего в годы нэпа большими финансовыми и идейными свободами в сравнении с Саратовской ассоциацией пролетарских писателей. Финансовым источником местной студии Пролеткульта, возникшей в 1918 г., были профсоюзы. В 1926 г. 59 из 66 губернских клубов принадлежало профсоюзам и находилось на их содержании²⁰. На членов профсоюза была возложена обязательная культурная “разверстка” в размере 10 процентов от взносов, призванная покрыть, в том числе, и нужды книгоиздания. Финансовый поток из Москвы был кратно меньше собранного профсоюзами: в 1926 г. центр обеспечивал саратовскую культурную жизнь в размере 19 тысяч 179 рублей 79 копеек в год²¹, тогда как саратовские профсоюзы отчисляли в местный бюджет на культуру не менее 17.000 руб. ежемесячно²². Таким образом, именно профсоюзы, а не местные политпросветы, могли определять содержание многих культурных инициатив и мероприятий²³. В то же время Устав создавал “пролетарам” преференции в борьбе с голодающими попутчиками, так

¹⁹ Ibidem

²⁰ Саратовский губком ВКП (б), Саратов, Государственный архив новейшей истории Саратовской области, ф. 27, оп. 4, ед. хр. 110, л. 11.

²¹ Ivi, л. 29.

²² Ibidem.

²³ См.: А. Хрусталева, *Ассоциация пролетарских писателей в Саратове как провинциальный эпизод в истории ВАПП*, “Slavic Literatures”, 2024, 146-148, с. 121-145.

¹⁷ Для практического осуществления стоящих перед Пролеткультом задач выбранные на конференцию члены Совета Пролеткульта составляют Исполнительный орган Совета, Центральный Комитет, который в свою очередь выделяет президиум из 7-ми человек. Ivi, с. 54.

¹⁸ Ivi, с. 54.

как местные пролеткульты могли рассчитывать на сравнительно большие денежные дотации помимо заработанных собственных средств.

Финансовая независимость, массовый характер и наличие сети местных ячеек, руководимых из единого центра, позволяли Пролеткульту потенциально составить оппозицию партийной диктатуре. Заявкой на независимость от партийной линии в государственном и культурном строительстве объясняется дальнейшая его судьба. После известного ленинского *Наброска резолюции о пролетарской культуре* от 9 октября 1920 г., где отрицалась сама возможность какой-либо иной пролетарской культуры, кроме марксизма: “Не особые идеи, а марксизм. Не выдумка новой пролеткультуры, а развитие [...] существующей культуры с точки зрения миросозерцания марксизма”²⁴, и где Всероссийскому съезду Пролеткульта было предписано “самым решительным образом” отказаться от стремления “замыкаться в свои обособленные организации, разграничивать области работы Наркомпроса и Пролеткульта или устанавливать ‘автономию’ Пролеткульта внутри учреждений Наркомпроса и т. п.”, Ленин требовал, чтобы съезд вменил “в безусловную обязанность всех организаций Пролеткульта рассматривать себя всецело как подсобные органы сети учреждений Наркомпроса и осуществлять под общим руководством Советской власти (специально Наркомпроса) и Российской коммунистической партии свои задачи, как часть задач пролетарской диктатуры”²⁵. Письмо Ленина и опубликованное 1 декабря 1920 г. “Правдой” письмо ЦК РКП (б) *О пролеткультах* привели к смене руководства Пролеткульта (А. Богданов и П. Лебедев-Полянский вышли из организации), подчинению его Наркомпросу, ослаблению влияния и расколу организации.

Расцвет и упадок Пролеткульта совпал с формированием осужденной на IX Всероссийской партийной конференции в сентябре 1920 г. и на X партсъезде в марте 1921 г. рабочей оппозиции,

пользовавшейся значительной поддержкой среди рабочих-партийцев. Пролеткульт завершил свое существование вместе с другими группировками Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) *О перестройке литературно-художественных организаций* от 23 апреля 1932 г. Резолюцией VIII съезда ВКП (б) 1919 г. органы советской власти подчинялись в своей деятельности решениям своих партийных фракций, однако выполнение этой резолюции, как показала история рабочей оппозиции и как свидетельствует переписка Ленина с М. Покровским в связи с программой Пролеткульта²⁶, требовало специальных усилий партии. В условиях нэпа и либерализации книжного рынка ЦК должен был с еще большим вниманием отнестись к конструированию новой советской культуры. На эти годы, как известно, пришлось формирование цензурных органов Наркомпроса (Главлит), действовавших на основе одобренной резолюцией XI партсъезда 1922 г. *О печати и пропаганде*²⁷ “личной унии” партийных и советских органов. 3 июля 1922 г. в своей записке членам Политбюро Сталин солидаризировался с предложением Л. Троцкого о работе с молодыми лояльно относящимися к советской власти писателями и художниками:

Я думаю, что формирование советской культуры (в узком смысле слова), о которой так много писали и говорили одно время некоторые ‘пролетарские идеологи’ (Богданов и другие), теперь только началось. Культура эта, по-видимому, должна

²⁶ Ленин — М. Покровскому, август 1920 г.: “1. Каково юридическое положение Пролеткульта? 2. Каков и 3) кем назначен его руководящий центр? 4) Сколько даете ему финансов от НКпроса? 5) Еще что есть важного о положении, роли и итогах работы Пролеткульта” (Ленин П. с. с., Т. 57, с. 265). Ответ Покровского 24 августа 1920 г.: “На запрос Ваш относительно Пролеткульта сообщаю, что он является автономной организацией, работающей под контролем Наркомпроса и субсидируемой последним. Остальные, интересующие Вас сведения изложены в прилагаемой при сем докладной записке...”. Помета Ленина на полях записки: “Как его сделать реальным?”. См.: *Ленинский сборник*, XXXV, под ред. Н. Подвойской — А. Манучаровой, Москва 1945, с. 148.

²⁷ “В области взаимоотношений агитпропов, политпросветов и культотделов профсоюзов съезд, подтверждая резолюцию X съезда по этому вопросу, находит целесообразной личную унию в руководящем составе агитпропов и политпросветов. Съезд обращает внимание парткомов на необходимость более тщательного подбора руководителей культотделов профсоюзов”. См.: *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*, т. 2, Москва 1983, с. 528.

²⁴ В. Ленин, *Полное собрание сочинений*, т. 41, Москва 1981, с. 462.

²⁵ *Ivi*, с. 336-337.

вырасти в ходе борьбы тяготеющих к советам молодых поэтов и литераторов с многообразными контрреволюционными течениями и группами на новом поприще. Сплотить советски настроенных поэтов в одно ядро и всячески поддерживать их в этой борьбе – в этом задача. Я думаю, что наиболее целесообразной формой этого сплочения молодых литераторов была бы организация самостоятельного, скажем, Общества развития русской культуры или чего-нибудь в этом роде. Пытаться пристегнуть молодых писателей к цензурному комитету или к какому-нибудь “казенному” учреждению, значит оттолкнуть молодых поэтов от себя и расстроить дело. Было бы хорошо во главе такого общества поставить обязательно беспартийного, но советски настроенного, вроде, скажем, Всеволода Иванова. Материальная поддержка вплоть до субсидий, облеченных в ту или иную приемлемую форму, абсолютно необходима²⁸.

‘Либерализм’ сталинской записки (“Пытаться пристегнуть молодых писателей к цензурному комитету или к какому-нибудь ‘казенному’ учреждению, значит... расстроить дело”) был обусловлен тем, что любой беспартийный союз существовал и действовал только под партийным руководством и контролем через коммунистическую фракцию. 6 июля 1922 г. решением Политбюро ЦК РКП(б) была образована “Комиссия по организации писателей и поэтов в самостоятельное общество”, которую возглавил заведующий Отделом печати ЦК Я. Яковлев, в согласии со сталинским курсом на попутчиков создавшая беспартийное Общество писателей и поэтов из актива журнала “Красная новь” – писательскую артель “Круг”²⁹. “‘Круг’, – пояснял ‘глава попутчиков’ А. Воронский, – давал возможность сплотить ‘близко стоящих к нам писателей’ и в условиях свободной конкуренции книжной продукции повести ‘идейную борьбу на книжном рынке’”³⁰.

Еще одним следствием развала Пролеткульта стало ясное понимание того, что только укрепление связи с ЦК могло “не просто предоставить новому писателю ‘режим наибольшего благоприятствования’, но отключить законы рынка вовсе, поскольку пролетарский писатель руководится не

через рынок, а через ‘связь с авангардом’”³¹. Этим социально-политическим вектором определялась программа “пролетаров” в их борьбе с попутчиками, которую возглавила группа молодых партийных и комсомольских функционеров – этих частных предпринимателей на партийном подряде³², в конце концов загнавших борьбу за пролетарскую литературу в непримиримое противоречие с общими задачами государственного строительства.

Позиция ЦК оставалась непроясненной для писательских союзов все годы нэпа. С одной стороны, организационная доктрина партии гласила, что она не может жить и развиваться без связей с беспартийными массами, и как “высшая форма организации” лишь она может “руководить всеми остальными организациями”. С другой стороны, в годы нэпа партия не только жестко боролась с политическим противником, но также искала союзников среди выжидающих интеллигентов, поддерживая тех из них, кто был настроен доброжелательно к советской власти³³. В условиях идеологической нестабильности определенные уставом структура организации, принципы ее деятельности, права и обязанности ее членов формировали перспективы как собственного развития конкурирующих писательских союзов, так и литературы советского периода в целом.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ВСП И ВАПП: ВЫБОР МЕЖДУ ТВОРЧЕСКОЙ И КЛАССОВОЙ АВТОНОМИЕЙ

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 12 июня 1922 г. *О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний различных союзов и объединений и о регистрации этих организаций* потребовало от НКВД провести регистрацию всех существующих обществ. 3 августа 1922 г. было издано постановление ВЦИК и СНК РСФСР *О порядке утверждения и регистрации обществ*

²⁸ *Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917-1953*, под ред. акад. А. Яковлева, сост. А. Артизов – О. Наумов, Москва 1999, с. 38.

²⁹ См.: К. Поливанов, *К истории “артели” писателей “Круг”*, “De Visu”, 1993 (10), 11, с. 5.

³⁰ Ibidem.

³¹ Е. Добренко, *Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры*, Санкт-Петербург 1999, с. 52.

³² Д. Московская, *Пролетарская литература как проект*, “Новое литературное обозрение”, 2021, 5, с. 80-93.

³³ К. Аймермахер, *Политика и культура при Ленине и Сталине, 1917-1932*, Москва 1998, с. 63.

и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и о порядке надзора за ними, а 12 августа опубликована Инструкция ВЦИК, развещающая это постановление. Новые нормативные акты определили порядок регистрации обществ: 1) ни одно общество (кроме профсоюзов) не могло начинать свои действия без регистрации в НКВД; 2) общество было обязано представить устав, протокол собрания о его создании, список членов-учредителей; 3) не зарегистрировавшиеся в двухнедельный срок после опубликования постановления общества и союзы, уже существовавшие к этому времени, объявлялись закрытыми. “По существу, постановление было направлено на то, чтобы в условиях нэпа отделить культурно-просветительные и прочие общественные организации от тех, которые преследовали коммерческие цели”³⁴.

Устав конкурента пролетарских писательских союзов попутнического Всероссийского союза писателей (ВСП), принятый и утвержденный НКВД 21 февраля 1923 г., готовился в рамках новых законодательных актов и в соответствии с ними требовал предоставлять годовые отчеты о деятельности Союза в Главнауку, не реже одного раза в год сообщать список членов Союза в НКВД, а состав Правления доводить до сведения как Главнауки, так и НКВД. В остальных своих положениях Устав служил потребности попутчиков в обеспечении своих писательских нужд³⁵: ВСП “оказывает помощь членам Союза, приискивая им литературную работу, защищая их интересы в конфликтах с издателями, выдавая им пособия в необходимых случаях, устраивая общежития, столовые и так далее”³⁶. В Уставе прослеживается чисто профессиональная, а не классовая, заинтересованность в объединении писательских сил: “Всероссийский союз писателей ставит себе целью объединение писателей во всероссийском масштабе на основе широкой общности литературных и материальных интересов, способствуя тесно-

му общению писателей между собой”³⁷. Творческая автономия ВСП с ожиданием, что источником средств будут членские взносы, оплата плодов творчества и пожертвования, представляет этот союз наследником традиций дореволюционной интеллигенции, не видевшей ничего предосудительного в том, чтобы, передав власть над искусством правительственным органам, самой заниматься творчеством³⁸. ВСП, как и другие писательские институты, субсидировался через Наркомпрос.

Между тем экономические условия, сложившиеся после ввода нэпа, сказались значимыми переменами в Уставе преемника Пролеткульта — Всероссийской ассоциации пролетарских писателей. Конкуренция на книжном рынке потребовала активных действий со стороны ВАППа:

Тов. Воронский стоит на точке зрения свободы конкуренции на советском литературном рынке. [...] Чувство избранности, признание свободы своего творчества от какой бы то ни было политики (кроме покупающей рукопись редакции), к партийной работе — равнодушные, к политике — не наше дело, а гитке — откровенное презрение, да ведь это знакомый нам тип буржуазного художника!³⁹.

Чувствительный к организационно-идеологическим основаниям творческих союзов эпохи нэпа генеральный секретарь ВАППа Л. Авербах так комментировал организационные принципы писательских объединения:

Литературные организации строятся различно, они могут строиться по принципу формальному, могут строиться по принципу личной дружбы и отсутствию всяких принципов, могут строиться по принципу идеологически-классовому. Есть организации, которые строятся по принципу профессиональному. Пример, Всероссийский Союз Писателей: писатели собираются вместе только потому, что они писатели. [...] Этот принцип построения организации я называю принципом личной дружбы. Больше того — это отсутствие всяких принципов в строении организации. Мы дружим, потому что мы люди общих взглядов. [...] принцип, по которому строится наша организация: принцип идеологическо-классовый. Мы объединяемся и строим вместе нашу организацию потому, что мы считаем себя пролетарскими писателями. Мы исходим из общественно-идеологической установки писателя⁴⁰.

³⁷ Ibidem.

³⁸ В. Манин, *Искусство в резервации. (Художественная жизнь России 1917-1941)*, Москва 1999, с. 7.

³⁹ Ю. Либединский, *К вопросу о личности художника*, “На посту”, 1924, 1, стб. 64.

⁴⁰ Л. Авербах, *Творческие пути пролетарской литературы*, “На литературном посту”, 1927, 10, с. 9.

³⁴ Т. Коржихина, *Законодательные источники*, указ. соч., с. 224.

³⁵ Всероссийский союз писателей, Москва, Отдел рукописей ИМЛИ РАН, ф. 157, ед. хр. 394, л. 1.

³⁶ Ibidem.

Выбор ВАППом классово-идеологического принципа строительства объясняется тем, что лишь идейно-мировоззренческая гегемония на литературном фронте с ее правом на символическое насилие⁴¹ могли исправить ситуацию на книжном рынке в пользу графоманов-‘пролетаров’, так и не получивших Резолюцией ЦК *О политике партии в области художественной литературы* 1925 г. однозначной партийной поддержки. И хотя в своих официальных заявлениях руководство ВАПП представляло Резолюцию как победу пролетарской литературы и поражение “воронщины”, забыть двусмысленность таких положений, как “партия [...] мало может поддерживать какую-либо одну фракцию литературы”, и прямую критику — “партия должна предупреждать всеми средствами проявление комчванства”, идеологи ВАППа не могли.

Проект Устава пролетарской ассоциации, утвержденный правлением ВАПП 6 сентября 1925 г.⁴², отличается в своих общих положениях от уставов Пролеткульта и ВСП. Если Пролеткульт декларирует себя как организационное завершение новой формы рабочего движения и как центр, руководящий строительством пролетариатом своей пролетарской культуры, а ВСП как объединение писателей на основе общности литературных и материальных интересов, то ВАПП заявляет о своей работе прежде всего на идеологическом фронте и под руководством РКП (б). В отличие от Пролеткульта, видевшего себя строителем пролетарской культуры, ВАПП позиционирует себя как боевой отряд рабочего класса со специфической и небывалой институциональной задачей установления гегемонии пролетарской литературы. Необходимость завоевания господства пролетарской идеологии трансформирует творческую деятельность писателя в боевую подготовку и военные действия, литература становится зоной идеологического конфликта и передовой линией идеологической борьбы, а ВАПП — ее руководителем,

вооруженным специально разработанной военной стратегией. “Общие положения” проекта были обеспечены теоретической марксистской базой с соответствующими ссылками на “Коммунистический манифест” и на первый параграф Резолюции ЦК ВКП (б) *О политике партии в области художественной литературы* 1925 г., где говорится о вступлении страны в полосу культурной революции, создающей предпосылку для движения общества к коммунизму.

ВАПП, созданный в 1920 г. группой “Кузница” как Всероссийская ассоциация пролетарский писателей, в обновленном в 1925 г. Уставе ВАППа расшифровывается как “Всесоюзная ассоциация пролетарских писателей”, обнаруживая претензию на идеологическое руководство отрядами пролетарской литературы в общесоюзном масштабе. Отметим, что такого рода стремление наметилось еще при обсуждении Устава Пролеткульта в 1918 г. Но тогда предложение о внесении национальной культурно-просветительной деятельности и национального представительства в Совет Пролеткульта было почти единогласно отвергнуто⁴³. Согласно новому Уставу, организационное строение ВАПП должно было отвечать устройству СССР, а его строительство осуществляться по территориальному признаку⁴⁴. Национальные ячейки ВАППа подчиняются центральному руководящему органу по принципу демократического централизма: ВАПП открыто подражал новому уставу РКП (б), утвердившему после победы Октября на VIII партконференции демократический централизм в качестве принципа партийного строительства. Демократический централизм в рамках ВАППа превращал его исполнительные органы, Правление и Секретариат, в центр принятия решений, распространяющихся на региональных членов Ассоциации. Автономия последних действует лишь в пределах платформы, устава ВАПП и директив правления ВАПП.

Несмотря на поддержку Отдела печати январ-

⁴¹ См. подробнее: Е. Добренко *Политэкономика социализма*, Москва 2007.

⁴² Всесоюзная ассоциация пролетарских писателей, Москва, Отдел рукописей ИМЛИ РАН, ф. 155, ед. хр. 51, л. 1-7.

⁴³ *Протоколы Первой Всероссийской конференции*, указ. соч., с. 55.

⁴⁴ Всероссийская ассоциация пролетарских писателей, Москва, Отдел рукописей ИМЛИ РАН, ф. 155, ед. хр. 51, л. 4.

ское 1925 г. Всесоюзное совещание пролетарских писателей, ставившее задачей объединение национальных литератур под эгидой ВАПП, столкнулось с мощным сопротивлением делегатов: национальные различия оказались сильнее классового принципа. Представитель украинского Гарта и белорусского “Маладняка” не приняли ВАПП в качестве руководящего центра:

[ВАПП] решил, что он может назвать себя всесоюзной организацией, он решил, что он может создать всесоюзное со-
вещание, он решил, что он может не считаться с Гартом, с белорусской организацией, с такими организациями, которые представляют из себя пролетарскую литературу, но не в русской, а в украинской и белорусской форме. Мы в этом видим также еще не скрытые старые тенденции великодержавные. ВАПП решил созвать съезд — и конченное дело. [...] Если будет организован ‘Всесоюзный центр пролетарских объединений’, то получится старый Пролеткульт, который себя не оправдал и который только будет мешать в работе отдельным республиканским ассоциациям, что будет отражаться на развитии пролетарской культуры в национальных формах, и поэтому мы против единого центра. [...] Какая-то организация, несомненно, должна быть, я не буду говорить о форме ее сейчас, но думаю, что какая-то связь между ассоциациями отдельных республик должна быть. [...] но это не будет единой организацией, центральным комитетом. На это [...] мы не пойдем⁴⁵.

В выступлении одного из украинских делегатов прозвучал упрек: “Товарищ Лелевич, если вы не хотите быть великодержавным шовинистом, вы не имеете права бросать нам ‘петлюровцы’ (Шум в зале) [...] Тут похлопывание по плечу — разве это отношение [...] разве это не ликвидация всякой самостоятельности?”⁴⁶.

Совещание, в открытой борьбе и с использованием различных подтасовок объявленное ВАППом конференцией для придания решениям легитимности, так и не привело к объединению всесоюзных пролетарских сил. Однако ВАПП не отказался от своих притязаний и подготовил проект Устава ВАПП как всесоюзной ассоциации. 6 сентября 1925 г. он был представлен на рассмотрение Правления и прошел обсуждение среди пролетарских организаций Украины, Белоруссии и Закавказья. Было предложено — от Украины: вместо Всесоюзной ассоциации пролетарских писа-

телей именоваться Союзом ассоциаций пролетарских писателей; в качестве руководящего органа считать только Всесоюзную конференцию, а не Правление; от Белоруссии: “Не соглашаться на то, чтобы существующая в Москве ассоциация пролетарских писателей считалась Всесоюзной, так как ВАПП уделяет мало внимания развитию нацлитератур”⁴⁷; от Закавказья: “Должны существовать республиканские ассоциации, поддерживающие между собой связь. Нет надобности в ВАППе”⁴⁸. Ни одно из этих предложений Правлением не было принято.

С экспертизой устава выступила специально организованная Литературная комиссия в составе представителей Отдела печати и ВАППа 22 ноября 1926 г. Из Приложения к протоколу заседания под грифом “Секретно” следует, что особое внимание Отдела печати привлек пункт из раздела “Организационное строение”. Исполняющий обязанности заведующего Отделом печати ЦК М. Василевский отметил, что

Устав построен так, что он предполагает чрезвычайно широкую периферию, сеть которой начинается с низовых ячеек даже на отдельных предприятиях (п. 35). В таком виде вопрос об уставе приобретает большое политическое значение. Необходимо пункты 35, 36, 37 о местных ассоциациях (стр.6) переработать таким образом, чтобы уставом были закреплены в виде низовых ячеек объединения не ниже общегородских, окружных, уездных, кантонных — в таком виде еще возможно обеспечить хоть какое-нибудь партийное руководство ими⁴⁹.

Замечание высвечивает опасения ЦК перед перспективой появления сети низовых массовых организаций, лишенных партийного идейно-политического контроля и централизованно управляемых вапповским центральным органом: организационным принципом ВАПП остался “испытанный большевистский принцип демократического централизма”⁵⁰.

В 1926 г. Устав ВАПП был доработан. В *Общих положениях* нового проекта первый пункт конкретизировал связь ВАППа с партией:

⁴⁷ Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей, Москва, Отдел рукописей ИМЛИ РАН, ф. 50, ед. хр. 38, л. 9.

⁴⁸ Ivi, л. 10.

⁴⁹ Ivi, л. 6.

⁵⁰ Ivi, л. 24.

⁴⁵ Всероссийская ассоциация пролетарских писателей, Москва, Отдел рукописей ИМЛИ РАН, ф. 155, ед. хр. 38, л. 3.

⁴⁶ Ivi, л. 9.

Признавая, что единственной партией пролетариата является ленинская РКП (большевиков), всесоюзная ассоциация пролетарских писателей стоит на ее платформе и рассматривает себя как отряд рабочего класса на идеологическом фронте со специфической задачей содействия укреплению и развитию пролетарской литературы путем объединения пролетарских писателей⁵¹.

Проект учел также требование Отдела печати по укрупнению низовых ячеек ВАППа, сделав организационной единицей ВАППа кружки и группы пролитписателей на больших фабриках и заводах, в промышленных поселках, на рудниках при шахтах и ж/д станциях и так далее. Таким образом ВАПП претендовал на руководство тем же массовым рабоче-крестьянским контингентом, что и ВКП (б), фактически отнимая у партии идеологический (а не профессиональный, литературный) фронт работы.

Дальнейшая судьба проекта такова. 5 марта 1927 г. он был получен Заместителем председателя СССР Цюрупой⁵² и утвержден им спустя год – 4 февраля 1928 г. Выписка из протокола № 248 соответствующего заседания Совета Народных комиссаров СССР была переслана секретарю ВАППа Вл. Киришону по адресу Тверской бульвар, 25.

Всесоюзный съезд пролетарских писателей в мае 1928 г. упразднил ВАПП, а с ним потерял смысл утвержденный СНК СССР его устав. Поставленную ВАППом объединительную задачу должно было решить созданное на том же съезде Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей (ВОАПП).

“... МАЛО СКАЗАТЬ – ОБЪЕДИНИТЬ, МАЛО
‘ЗА’ – НАДО ЕЩЁ СКАЗАТЬ И ПРОТИВ КОГО”:
РАПП И ФЕДЕРАЦИЯ ОБЪЕДИНЕНИЙ
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Столь долгое отсутствие у претерпевшего с 1920 г. три смены личного состава Правления⁵³

ВАППа собственного устава, при наличии с 1925 г. у местных ассоциаций локальных учредительных документов, связано, по-видимому, и с трудностями признания национальными республиками статуса руководящего центра у российской ассоциации, и с новой ситуацией, в которой оказалась страна в преддверии своего десятилетнего юбилея. Ответом на это событие было создание Федерации объединений советских писателей (ФОСП).

Общие положения Устава Объединения были составлены ВАППом⁵⁴ по итогам Резолюции ЦК *О политике партии в области художественной литературы* 1925 г. и утверждали “своей целью создание условий, способствующих наилучшему творческому и политическому росту советских писателей”, работающих “на основе резолюции ЦК РКП(б) от 1 июля с.г.”⁵⁵. Ограничением на прием в Объединение, тогда еще не получившее названия Федерация, организаций, групп и отдельных писателей должно было стать требование отказаться “от всякого участия в буржуазно-нэповских и эмигрантских изданиях, как внутри, так и вне СССР”⁵⁶.

Устав ФОСП, ставший итогом двухлетней борьбы ВАППа за недопущение в ФОСП или ограничение в нем числа членов “Перевала” и других попутнических групп⁵⁷ и утвержденный 17 ноября 1927 г. Народным комиссариатом юстиции за четыре дня до торжественного открытия Федерации, формулировал цели Объединения политически незаострэнно, фиксируя внимание на профессиональных целях и обнаруживая сходство с Уставом ВСП:

ФОСП создается для “совместных выступлений по вопросам общественным и литературным”; “проведения совместно с профессиональными союзами в жизнь основных мероприятий по улучшению правового и материального положения писателей”; “совместной работы по укреплению и развитию

⁵¹ Ivi, л. 22.

⁵² Ivi, л. 1. До 1930 г. сохраняло силу постановление ЦИК и СПК СССР от 9 мая 1924 г., по которому уставы обществ, деятельность которых выходила за пределы одной республики, утверждались СНК СССР.

⁵³ См. об этом: Д. Московская, *Пролетарская литература*, указ. соч., с. 80–93.

⁵⁴ Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей, Москва, Отдел рукописей ИМЛИ РАН, ф. 50, ед. хр. 77, л. 1.

⁵⁵ Ibidem.

⁵⁶ Ibidem.

⁵⁷ См. об этом: Д. Московская, *Федерация объединений советских писателей как модель литературного процесса 1926–1932 гг. — организационная, финансовая, идеологическая и эстетическая составляющие (по архивным первоисточникам из Отдела рукописей ИМЛИ РАН)*, “Филологические науки. Научные доклады высшей школы”, 2020, 6, с. 135–146.

советской литературы и вовлечению писателей в советское строительство”⁵⁸.

Деятельность ФОСП ограничивалась территорией РСФСР. Руководство Объединением передавалось Совету, а исполнительными органами были Бюро совета и Секретариат. Совет Федерации составлялся из представителей членов-учредителей на паритетных началах.

В Уставе отсутствовала политическая составляющая, продолженная ВАППом и требовавшая отказаться “от всякого участия в буржуазно-наповских и эмигрантских изданиях, как внутри, так и вне СССР”. Не политико-идеологическая, а востребованная властью цеховая творческая природа ФОСП, была очевидна для всех “федерирующихся” организаций: “государству нужен ФОСП [...] те организации, что не будут приняты в ФОСП, будут считаться несоветскими и будут ‘партизаничить’”⁵⁹. А. Фадеев и вовсе настаивал, чтобы в декларацию Объединения было внесено упоминание о заинтересованности государства в ФОСП, так как ФОСП ожидает от него материальной помощи. Действительно, все годы существования Федерации, чья литературная и культурная деятельность не имела коммерческого успеха, финансировалась Комитетом по делам печати.

С момента образования ФОСП позиционировала себя как защитница профессиональных творческих и бытовых потребностей организаций-членов, дублируя деятельность Литературного фонда и Горкома писателей, что создавало неразбериху в сфере ответственности. Для осуществления профсоюзной деятельности у Федерации были административные ресурсы. Жилищная комиссия ФОСП хлопотала в Президиуме Моссовета о создании квартирного фонда Федерации. Федерация выступала ходатаем о заграничных командировках для писателей перед Комиссией по научным загранич-

ным командировкам при Наркомпросе РСФСР. Командировки по стране финансировались через культотдел ВЦСПС, заведующий которым приглашался на заседания ФОСП. Тот же культотдел выплачивал писателям командировочные по 100-150 руб. в месяц. Главным источником финансирования ФОСП был не указанный в Уставе Наркомпрос – общесоюзный стратегический орган управления культурой.

Основной капитал Федерации в момент ее создания составил 300.000 руб., выданных ей “в качестве авансовой ссуды без указания срока и условий кредитования впредь до оформления этого вопроса в Наркомфинплане”⁶⁰. Затем ежегодно финансово-бюджетная комиссия ФОСП направляла в Наркомпрос соответствующую смету. Если до создания ФОСП писательские союзы дотировались государством через Наркомпрос индивидуально и определяющим фактором были личные связи и отношения с партийным и государственным руководством, то после создания ФОСП финансирование шло через Правление Федерации и должно было определяться личным вкладом в общее дело той или иной организации и количеством ее членов. Финансирование осуществлялось траншами, распределявшимися Секретариатом по учредителям ФОСП.

Постановлением ЦК от 23 августа 1926 г. *О работе советских органов, ведающих вопросами печати* Отделу печати поручено было проводить партийные директивы через комфракции издательств и писательских союзов, что позволило ВАППу вернуть в деятельность ФОСП исчезнувшую из Устава политическую составляющую. ВАПП навязал ФОСПу идеологическое руководство и заодно перетянул на себя финансовые потоки: финансирование учредителей осуществлялось с учетом идеологической и организационной их весомости, что было действенным механизмом управления номинально автономными объединениями. Комфракцию ФОСП возглавил представитель ВАПП А. Фадеев. В результате заседания комфракции ФОСП, где вер-

⁵⁸ Об утверждении устава “Федерации объединений советских писателей (Ф.С.П.)”, <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/381232-ob-utverzhdenii-ustava-locale-nil-federatsii-obedineniy-sovetskikh-pisateley-f-s-p-locale-nil-utverzhden-narodnym-komissariatom-vnutrennih-del-29-iyulya-1927-g#mode/inspect/page/1/zoom/4>\T2A\cyrb>, (последнее посещение: 12.07.2024).

⁵⁹ Федерация объединение советских писателей, Москва, ОР ИМ-ЛИ, ф. 51, оп. 1, ед. хр., 76, л. 4.

⁶⁰ Федерация объединение советских писателей, Москва, ОР ИМ-ЛИ, ф. 51, оп. 1, ед. хр. 69, л. 4.

ховодил ВАПП, стали площадками, на которых оформлялись идейно-политические задачи и литературные практики Федерации, весомость которых подкреплялась 57 статьёй Уголовного кодекса РСФСР о “контрреволюционном действии”. Дело Пильняка-Замятина позволило ВАППу (тогда уже Российской ассоциации пролетарских писателей – РАПП) с опорой на решения комфракции ФОСП и от имени всей послушной РАППу Федерации потребовать проведения совещания в Отделе печати и чистки рядов ВСП. Решением комфракции ФОСП старое руководство ВСП 5 сентября 1929 г. было расформировано, а сама организация переименована, став ВССП, Всероссийским союзом советских писателей.

Дело Пильняка-Замятина в условиях начавшейся эпохи реконструкции и первой пятилетки потребовало корректировки Устава ФОСП. Новая его редакция 30 августа 1930 г. прошла обсуждение в РАППе. Секретариат РАПП потребовал отредактировать заново вступительный раздел, где имелся

целый ряд редакционных неясностей и неточностей политических формулировок, например: ‘создаются новые люди’, ‘враждебные силы пытаются СОХРАНИТЬ свои позиции’, в то время, как следовало бы сказать, что враждебные пролетариату силы пытаются ответить контрнаступлением на развернутое наступление социализма по всему фронту; при этом [...] следовало бы сказать не об ОТРАЖЕНИИ классовой борьбы в литературе, а о самой классовой борьбе в литературе и т.п. В Уставе [...] совершенно отсутствуют указания на задачи ФОСПа в области национальной работы и на особенности работы отделов ФОСПа в национальных районах⁶¹.

РАПП требовал подчеркнуть роль пролетарской литературы на литературном фронте, сказать о переходе крестьянских писателей на рельсы пролетарской идеологии и ввести пункт в более решительной и полной формулировке о необходимости переключения работы всех советских литературных организаций, входящих в ФОСП, лицом к производству и рабочим массам, ибо РАППу было “мало сказать – объединить, мало ‘за’ – надо еще сказать и против кого”⁶².

ВСЕСОЮЗНАЯ ПРОЛЕТАРСКАЯ ПИСАТЕЛЬСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ ИЛИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОЛЕТАРСКАЯ ПИСАТЕЛЬСКАЯ ПАРТИЯ? ВОАПП И РАПП

Так и нерешенная ни Пролеткультом, ни ВАППом задача охвата единой программой строительства новой культуры пролетписателей всех национальностей СССР (несмотря на утверждение в феврале 1928 г. СНК устава ВАППа как Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей) была формально осуществлена в мае 1928 г., когда в Москве на Всесоюзном съезде пролетарских писателей, собравшем представителей 30 национальностей из созданных ВАППом за эти годы национальных ячеек, ВАПП был расформирован и создано Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей (ВОАПП) со своим Уставом, утверждённым Съездом.

Выработка положений Устава ВОАПП проходила в серьезной борьбе. В решении вопроса о принципах объединения Всероссийской ассоциации с региональными пролетарскими ассоциациями возникло несколько затруднений. Первое состояло в том, что ожидаемая резолюция Съезда о содействии развитию пролетарской литературы народов СССР может войти в противоречие с руководящими директивами собственного национального партийного органа, где может быть признано право национальных литератур иметь свои пути развития, развиваться самостоятельно при братском единении с литературами других народов. Из этого противоречия украинская делегация делала вывод, что “ВАПП не может рассматривать себя как единая организация в том смысле, что он должен влить в себя все пролетарские литературы народов СССР, как он сделал это в отношении народов Северного Кавказа, Закавказья, Белоруссии и литературы других народов”⁶³.

Один из выступавших от Украины делегатов напомнил, что

в украинских условиях, благодаря прошлым великодержавным тенденциям, которые были у Родова, Валайтиса, и благодаря историческому развитию Украины как колониальной

⁶¹ Ivi, л. 1.

⁶² Ivi, л. 4.

⁶³ Всероссийская ассоциация пролетарских писателей, Москва, Отдел рукописей ИМЛИ РАН, ф. 155, ед. хр. 278, л. 1.

страны [...] у нас среди интеллигенции, даже пролетарской, усвоилось недоверие ко всем центристским тенденциям, и очень глубокое. Поэтому я думаю, у нас может быть только Федерация. [...] Мы предлагаем Федерацию. [...] Предлагаю сначала установить Федерацию советской литературы, внутри каждой республики, потом федерировать советскую литературу всех республик. Сейчас Украина рассматривает федерацию как поглощение ВАППом, т.к. ВАПП сейчас все-союзная организация⁶⁴.

С критикой идеи федерации выступил Вл. Киршон, обратив внимание съезда на классовую монолитность ВАПП в отличие от рыхлой ФОСП:

У нас, как известно, есть Федерация советских писателей. Почему она имеет смысл? Зачем она нужна? Почему федерация, а не единая организация? Да потому что в ней различные классовые течения. Тут и некоторые попутчики, и буржуазные писатели, входящие в Союз писателей [ВСП], и крестьянские писатели, то есть различные классовые прослойки. Нужна ли нам Федерация различных организаций, хотя бы работающих в других областях, но стоящих на той же классовой платформе? Нет, не нужна. Украинцы говорят, что в тех условиях, какие имеются на Украине, украинская общественность, интеллигенция отшатнется от такой организации, потому что, говорят украинцы, вы не заинтересуетесь вопросами украинской национальной культуры, а под руководством русской культуры ведете в ущерб национальным задачам свою линию. Вот мотивировка украинцев. [...] Если создать специфическую национальную организацию, не входящую во всесоюзную организацию, она может привести к тому, что в нашей организации не будет достаточно классово четко выдержанной линии и что не вполне желательные элементы могут участвовать в нашей работе⁶⁵.

Единственным выходом для ослабления напряжения в вопросе создания единого централизованного союза, как представлялось Киршону, было выделение в отдельную организацию Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), затем Закавказской, Белорусской, Украинской с неким объединенным центральным органом, который представлял бы организованную по классовому принципу всесоюзную ассоциацию писателей. Таким образом РАПП становился представителем пролетарской литературы одной из национальных республик и своим появлением решал проблему равноправного объединения: “ВАПП создает специальную российскую организацию РАПП [...]”. Вот так мы хотели бы избежать столкновения и хотели бы построить систему Наркомпроса, а не

партийного руководства”⁶⁶.

Устав ВОАПП, принятый 1-м Всесоюзным Съездом пролетарских писателей, демонстрировал победу федерализма и утверждал создание Объединения пролетарских писателей СССР “в целях полнейшей консолидации своих творческих сил и обеспечения наилучших условий развития пролетарской литературы”⁶⁷. Задачей ВОАПП было установление классового фронта пролетарской литературы как передового отряда всей советской литературы СССР и нахождение путей творческого взаимовлияния пролетарских литератур всех народов. ВОАПП объединил Белорусскую ассоциацию пролетарских писателей, Всеукраинский союз пролетарских писателей, Закавказскую, Туркменистанскую и Узбекстанскую ассоциации пролетарских писателей и РАПП “на условиях полного равенства и независимости в своей республиканской работе, в формировании своих рядов, приеме новых писателей в ряды организации”⁶⁸. Высшим органом ВОАППа был признан его съезд, руководящим органом — Совет, куда в разных соотношениях в зависимости от численности входили представители национальных ассоциаций. Совет создавал как свой исполнительный орган Секретариат в составе 9 человек с равным представительством от каждого члена ВОАПП. Таким образом, ВОАПП по своей структуре напоминал общесоюзный наркомат, действующий через сеть профильных народных комиссариатов союзных республик, выполняющих задания соответствующего союзного наркомата.

Создание ВОАППа было одобрено ЦК по результатам рассмотрения докладной записки заведующего Отделом печати от 7 мая 1928 г.:

Вместо ВАПП — Всесоюзной Ассоциации пролетарских писателей — теперь будет существовать ВОАПП — Всесоюзное Объединение Ассоциаций пролетарских писателей, куда вошли украинцы, и ‘Кузница’, и ассоциации других союзных республик. Таким образом, сделан значительный шаг вперед в деле объединения всех пролетарских писателей⁶⁹.

⁶⁴ Ivi, л. 9.

⁶⁷ Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей, Москва, Отдел рукописей ИМЛИ РАН, ф. 50, ед. хр. 137, л. 1.

⁶⁸ Ivi, л. 2.

⁶⁹ “Счастье литературы”. Государство и писатели. 1925–1938 гг. Документы, сост. Д. Бабиченко, Москва 1997, с. 55.

⁶⁴ Ivi, л. 5.

⁶⁵ Ivi, л. 2–3.

Через день, 8 мая на заседании Бюро комфракции Авербах констатировал создание Российской ассоциации писателей с самостоятельным управлением и организацию Всесоюзного объединения ассоциаций пролетарских писателей. Несмотря на оптимистическое заявление Отдела печати о значительном шаге в деле объединения национальных пролетарских литератур, ВОАПП существовал недолго и почти номинально, оставив по себе скудные плоды творческой активности и обильную бюрократическую документацию.

Что касается Устава РАПП⁷⁰, то он позиционировал РАПП как организацию “передовых элементов пролетариата на литературном участке культурного фронта” и ставил задачей развитие пролетарской литературы и достижение ею “идейной гегемонии”⁷¹, возвращая Ассоциацию в организационном плане к партийным принципам демократического централизма, превратив местные ассоциации (краевые, областные и ассоциации автономных республик) в “местные органы РАПП и действующие на основах положений, утверждаемых РАПП”⁷², и под непосредственным руководством Секретариата РАПП.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Проведенный сопоставительный анализ уставов основных конкурирующих между собой литературных союзов – попутнических и пролетарских, опыт их объединения в форме разноклассового ФОСП и многонационального, межреспубликанского ВОАППа обнаруживает, что в формативный период советской государственности все попытки объединения писательских союзов в единую организацию, предпринимались ли они Отделом печати ЦК или инициировались ВАППом, были обречены на провал. В то же время, пролетарские ассоциации, такие как ВАПП и РАПП, обнаружили стремление строиться на принципах демократического централизма, приуготовляя форму прямого управления членов союза из руководяще-

го центра. Со своей стороны уставы Пролеткульта, ФОСП и ВОАППа позволили апробировать структуру наркоматовского толка с их “мягкой сцепкой” с властью. Опыт вапповского руководства ФОСП выявил преимущества управления институцией через комфракции, которые возглавляли рапповцы. Однако следование “партийной линии” в литературе не было главным достоинством пролетарских союзов – от Пролеткульта до РАППа, так как они считали, что эту линию прочерчивают они самостоятельно. Вот почему Постановление ЦК застало РАПП врасплох.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) *О перестройке литературно-художественных организаций* 1932 г., где после констатации появления в стране молодой советской интеллигенции, сообщалось о ликвидации вредящей строительству социализма кружковщины в лице – конкретно – РАППа и ВОАППа, следовало поручение Оргбюро ЦК разработать практические меры по проведению этих решений в жизнь.

К 7 мая 1932 года Оргбюро ЦК ВКП(б) завершило свою работу и выпустило Постановление *О мероприятиях по выполнению постановления Политбюро ЦК ВКП(б)*, где среди прочих практических мер был утвержден Организационный комитет Союза советских писателей (по РСФСР), составленный как из представителей бывших рапповцев, так и попутчиков⁷³. 16 августа состоялся Пленум Оргкомитета, где на основании соглашения между Оргкомитетами союзных республик был утвержден состав Всесоюзного оргкомитета с представителями от РСФСР, Украины, Белоруссии, Средней Азии и Закавказской федерации. 19 декабря 1932 г. в Москве состоялся расширенный пленум национальной комиссии Оргкомитета СП СССР. Стало очевидно, что ВАПП оставил в наследство Оргкомитету не литературную целину, а вспаханные рапповским ‘плугом’ национальные территории. Оргкомитету оставалось воспользоваться этими наработками. С этой целью в 1933–1934 гг. были созданы сначала национальные бригады, затем комиссии по изучению

⁷⁰ Российская ассоциация пролетарских писателей, Москва, Отдел рукописей ИМЛИ РАН, ф. 40, ед. хр. 533, 11 л.

⁷¹ Ivi, л. 1.

⁷² Ivi, л. 6.

⁷³ *Власть и художественная интеллигенция*, указ. соч., с. 175–176.

литератур народностей Советского Союза, в работу которых были вовлечены известные писатели и поэты, в первую очередь талантливые попутчики. На совещаниях комиссий шел смотр последних художественных достижений национальных литератур с целью перевода лучших произведений на русский язык. Одновременно осуществлялась консолидация национальных литератур, в Азербайджане, Украине, Белоруссии, Армении прошли пленумы региональных оргкомитетов; было создано Среднеазиатское оргбюро Союза советских писателей. Отчеты Оргкомитетов Грузии, Армении, Азербайджана были поставлены в феврале 1933 г. на Втором расширенном пленуме Оргкомитета ССП. Тогда в ожидании, что в мае состоится Всесоюзный съезд, обсуждался проект Устава организации.

Устав связывал в единый идейно-политический узел три важнейших направления партийной линии в литературе: во-первых, вхождение после ликвидации групповщины в единый союз “широких масс писательской интеллигенции”, во-вторых, создание “крепкого коммунистического руководства союзом советских писателей” в виде комфракции, в-третьих, “воспитание новых кадров”, “в первую голову из рядов рабочих, колхозников, красноармейцев”. В этом триединстве виделась перспектива перехода советской литературы в новое качество и на новую ступень. Для проведения съезда предстояло провести чистку писательских рядов и осуществить регистрацию членов будущего Союза. Поясняя структуру Союза, Субоцкий обратил внимание на определенную степень свободы (Субоцкий, по собственному признанию, неохотно использовал понятие “автономия”), дарованной Уставом региональным союзам:

каждый республиканский союз является органической частью Союза ССР. Таким образом вы видите, что здесь правление республиканских союзов, руководствуясь общими постановлениями наших всех союзных съездов и республиканских съездов, общими указаниями и решениями Всесоюзного правления и республиканского, в то же время имеют полную творческую, если можно здесь так выразиться — это слово очень неудачное — автономию: это слово не выражает того, что я хочу сказать. Они имеют полную возможность строить и свою организационную сеть, и свою творческую работу в соот-

ветствии с теми условиями, с теми требованиями, которые им предъявляют общая обстановка, общие условия строительства той или иной культуры одного из народов СССР. И мы здесь не напрасно подчеркиваем эту общую задачу создания национальной по форме и социалистической по содержанию литературы⁷⁴.

Но самое главное, что преследовал Устав, это создание союза таких писателей, которые объединились для выполнения совершенно определенно поставленных целей. Союз должен быть, подвел итог Субоцкий,

не аморфный, не расплывчатый как ВССП, не замкнутый и раздираемый внутренними силами как РАПП, не внутри разомкнутая, ничем не связанная Федерация, а единый отряд писателей-бойцов, руководимых коммунистами и борющихся за социалистическое строительство. Вот как мы рассматриваем будущую организацию нашего союза советских писателей⁷⁵.

Впервые в риторике литературных вождей появляется понятие “советский народ”: писательский союз отныне будет представлять весь этот народ, состоящий из строителей “социалистического здания — рабочих, крестьян, советской интеллигенции”. Напомним, что пролетарские литературные критики избегали понятия “народ”, имеющего оттенок дореволюционного интеллигентского крестьянолюбия, ассоциирующийся с народничеством и с огромной крестьянской массой бывшей империи. Пролеткритики предпочитали “трудовые рабоче-крестьянские массы”. Во-вторых, Устав вводил понятие социалистического реализма как особого творческого метода: “Мы сказали писателям — пишите правду. Это перевод на простой язык лозунга ‘социалистический реализм’. Писать по-другому, означает — обманывать советский народ, а тех, кто пытается обманывать, будем бить по рукам”⁷⁶.

Наконец, было провозглашено небывалое ни в одной из литературных институций утверждение, что лозунг социалистического реализма, одобрение красной романтики и особое внимание к перспективам развития советской драматургии как программа советской литературы задана самим

⁷⁴ ССП Оргкомитет, Москва, Отдел рукописей ИМЛИ РАН, ф. 41, ед. хр. 45, л. 24.

⁷⁵ Ivi, л. 12.

⁷⁶ Ivi, л. 74.

Сталиным и что отныне литература предстоит его оценке, и если писатели своим трудом это доверие партии и “нашего вождя товарища Сталина” не оправдают, то, значит, они “никуда не годятся”⁷⁷.

Конец 1933–начало 1934 г. Оргкомитет был занят отбором кандидатов в члены Союза советских писателей по всем республикам и краям. В марте 1934 г. состоялся Третий пленум Оргкомитета ССП, где прошел смотр Оргкомитетов национальных республик и краев и заслушаны подробные доклады о состоянии литератур на местах: это был последний шаг перед объявлением Всесоюзного писательского съезда. 5 июня 1934 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение об открытии Всесоюзного съезда: “15 августа в 6 часов вечера откроется съезд. М. Горький выступит с докладом ‘Советская литература’ [...] 18 августа намечается заключительное слово М. Горького”⁷⁸. Первый съезд советских писателей начал свою работу 17 августа 1934 года в Доме Союзов.

Каждая из писательских институций 1920-х гг. внесла свой вклад в накопление опыта по выстраиванию партийной линии в литературе. В плане неудачных попыток преодоления классовой розни пригодилась ФОСП, с точки зрения организационного строения был важен федеративный (наркоматовский) принцип ВОАППа, тогда как принцип демократического централизма ВАППа и РАППа обнаружил в рамках пролетарской писательской автономии свою непригодность, т.к. превращал Ассоциацию в самостоятельную партию, в своем идейном пролетарском элитаризме мешающую ВКП(б) “руководить массами” и организационным централизмом способную нарушить централизм партийной дисциплины, противопоставив свой руководящий орган руководящему органу партии – Центральному комитету и Политбюро.

С момента образования Оргкомитета партийная линия в литературе приобретала завершающую четкость. Грядущий съезд должен был законодательно оформить не очередное объединение писателей, а “наркомат литературы” – коллегиию

профессионалов на службе у государства.

www.esamizdat.it ◇ Д. Московская – В. Гусейнов, “Новая литература не возникает как пушечный выстрел в ночи”, *Об институциональных границах первых советских массовых писательских объединений* ◇ eSamizdat 2024 (XVII), pp. 29-44.

⁷⁷ Ivi, л. 68.

⁷⁸ “Счастье литературы”, указ. соч., с. 297.

◇ *“New literature does not emerge like a pistol shot in the night.” On the Institutional Boundaries of the First Soviet Mass Writers’ Associations* ◇

Dar’ia Moskovskaia – Vagif Guseinov

Abstract

The article discusses early Soviet literary institutions that took on the mission of uniting the writers’ forces: VAPP (the All-Russian Association of Proletarian Writers), whose institutional practices exhibit a pronounced sectarian nature and confrontational strategies, closely related to the early Proletkul’t, and demonstrate a distinctly ‘creative’ class-based nature; FOSP (the Federation of Soviet Writers), whose institutional nature was instrumental and artificial, this institution being “the first real example of the party’s concern for establishing basic conditions for the growth of new culture in the early years of the new regime” (Metcalf); and the Organizing Committee of the Union of Soviet Writers (SSP), which, despite sharing some similarities with FOSP, fundamentally differed from the latter through direct party leadership and funding, and gradually became a state structure – the Union of Soviet Writers. The article examines the dynamics of the Organizing Committee’s structure, marked by an increasing ‘clarification’ of who held ultimate authority. These dynamics include nationwide tense discussions among writers about funding mechanisms, continued ‘showdowns’ with enemy-colleagues, the development of the concept of socialist realism as a method for unifying writers of various social backgrounds, the “organization of total control in the literary sphere” (Frezinskii), and the complete loss (through the Charter and other practices) of institutionally formalized creative freedom for members of the Writers’ Union.

Keywords

Charter, Organisational Structure, Writers’ Unions, Literary Practices, Sociology of 1920s Literary Process.

Authors

Dar’ia Moskovskaia, Doctor of Philology, Head of the Department of Manuscripts at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow). Her publications are mainly devoted to the problems of the sociology of the literary process, the institutional history of Soviet literature, the creative method of writers of the 1920s and 1930s, source studies and textual criticism. She is the author and editor of more than 200 scientific papers published in the journals “Slavic Literatures”, “Lingue e Linguaggi”, “Izvestiya RAS. Series of Literature and Language”, “New Literary Review”, “Studia Litterarum”, “Emigrantologia Słowian” etc.

Vagif Guseinov, PhD in Philology, associate Professor of Art History and Humanitarian Sciences Department of Stroganov Russian State University of Design and Applied Arts. His research interests include the discourse practices and the history of Soviet proletarian literature organizations (1920-1930), Russian language evolution of the Soviet era, the social and cultural history of the Soviet Union. His publications have appeared in the peer-reviewed journals “Slavic Literatures”, “Herald of the Moscow State University. Series: Philology”, as well as in the journals “Academia” of Russian Academy of Arts, “Herald of the Kostroma State University” and others.

Publishing rights

This work is licensed under **CC BY-SA 4.0**

© (2024) Dar’ia Moskovskaia, Vagif Guseinov